
СОДЕРЖАНИЕ

Неизвестная империя	5
1. КОРОНЫ ИМПЕРИИ	23
Вена. Трон земли	55
2. КАРТА ИМПЕРИИ	83
Будапешт. Венгерский полдень	129
3. Будни и праздники империи	159
Прага. Барышня-крестьянка	199
4. Штыки империи	227
Триест. Австрийская Ривьера	255
5. Друзья и враги империи	279
Сараево. Образцовая колония	301
6. Гибель империи	325
Львов. Восточная окраина	375
7. После империи	407
Мост через Лейту	445
Династия Габсбургов: хронология событий	450
Библиография	455
Об авторах этой книги	463

НЕИЗВЕСТНАЯ ИМПЕРИЯ

Этот прохладный и пасмурный, но сухой, без снега или дождя, февральский уик-энд Карл фон Габсбург (он с детства привык называть себя именно так, без нагромождения пышных монархических титулов, которыми гордились десятки поколений его предков) провел в небольшом городке Корнойбург на левом берегу Дуная. Это почти что предместье Вены — от австрийской столицы даже на велосипеде ехать недолго, а машина по Дунайскому автобану домчит за считанные минуты, но жизнь здесь совершенно провинциальна. Жители Вены (да и не ее одной) наверняка причислили бы Корнойбург к разряду городов, в которых никогда ничего не происходит. На этот раз происходило, по крайней мере вечером в субботу: в пышном неоготическом здании местного магистрата Карл фон Габсбург, внук последнего австрийского императора и венгерского короля, давал *Kaiserball*, императорский бал. Ровно к восьми часам вечера к старой ратуше, самому монументальному сооружению Корнойбурга, подтягивались гости в костюмах, которые теперь принято считать маскарадными: элегантные дамы в пышных открытых платьях с меховыми накидками, представительные господа во фраках и цилиндрах, бравые офицеры в парадных мундирах.

Несмотря на то что Австрия уже сто лет как республика и монархические титулы здесь не в ходу, традиция императорских балов, с военными оркестрами в униформе времен Австро-Венгрии, страны, исчезнувшей с европейской карты век назад, жива и популярна. Такие мероприятия проходят прежде всего в тех городах, в которых когда-то были расквартированы полки императорской и королевской армии, и, конечно, любому из таких городов приятно иметь почетным гостем нынешнего главу дома Габсбургов. В этом давно нет никакой политики, скорее уважение к традициям и истории. Австрийской республике, вполне буржуазной на вид, но имеющей в качестве государственного герба орла, в чьих когтях рядом с разорванными цепями рабства — пролетарские серп и молот, ничто не угрожает. По крайней мере со стороны императорских балов.

Впрочем, до начала танцевального торжества в программе Карла фон Габсбурга имелся еще один пункт — согласованная по линии

Магистрат Корнойбурга. Фото. 2016 год
Bwag / Wikimedia Commons

Панъевропейского союза, главой австрийского отделения которого является потомок императоров-королей, встреча с двумя журналистами, несколько лет назад написавшими о Габсбургах книгу на русском языке. Императорский внук давно привык к тому, что о его предках и их былых владениях то и дело публикуют исследования разного объема, глубины и качества. Но русский среди языков “габсбургской литературы” все же почти что экзотика, так что, надеемся, интерес к встрече был взаимным. Журналисты и отчасти историки — то есть мы, авторы этой книги, — в своих самых нарядных пиджаках, нацепив по такому случаю столь нелюбимые нами обоими галстуки, прибыли в назначенное время в назначенное место, в ресторан венской кухни на первом этаже здания того самого корнойбургского магистрата, чтобы застать потомка одного из древнейших родов Европы с аппетитом доедающим бифштекс. После бифштекса завязалась живая беседа, первый вопрос которой был предопределен происхождением собеседника:

— Вы когда-нибудь мечтали стать монархом Австро-Венгрии или какой-то из стран, некогда входивших в состав этой империи?

— Ответ очень простой — нет! Я родился в 1961 году, через много лет после того, как австро-венгерская монархия прекратила свое существование. К этому факту я отношусь как к вопросу нашего общего центральноевропейского прошлого, мой взгляд не отличается от мнений множества людей, которые просто интересуются историей. Вы спросите: есть ли у меня интерес к Австро-Венгрии? Определенно да! А ностальгия никуда меня не приведет, в таких вопросах я очень рационален. История может нас многому научить, особенно сейчас, когда мы вспоминаем о столетии со времени окончания Первой мировой войны. Происходит много такого, на что и мне стоит обратить внимание — как человеку, имеющему отношение к семье, которая профессионально занималась политикой на протяжении 800 лет. Мой дедушка был главой государства, и, конечно, в этом своем качестве он был политиком. Вы, естественно, можете назвать императора и по-другому, но он был и политиком тоже, пусть и на специфическом уровне. То же самое относится к моим предкам во многих, многих, многих поко-

лениях. Так что монархия — это просто то, что у меня в крови, то, что сближает меня с моими предками.

— Вы австриец, конечно, но кем еще вы себя ощущаете?

— Моя главная самоидентификация, и очень сильная, — европейская.

— Как у вашего отца, Отто фон Габсбурга, сына Карла Последнего?

— Вот именно. Когда меня в 1996 году избрали в Европейский парламент, отец уже давным-давно был депутатом, представлял Германию. Я же представлял в Европарламенте Австрию. Мой брат в то же время был послом Венгрии в Европейском союзе, а моя сестра — депутатом парламента Швеции. Другая моя сестра позже стала послом Грузии в Берлине. Мы чувствуем себя дома во всей Европе, в этом нет сомнения.

— Но ваша австрийская идентичность существует?

— В определенной степени — несомненно, но не нужно забывать, что я родился не в Австрии, а в Германии, где и вырос. Однако нельзя сказать, что моя идентичность немецкая. В общем, если называть страну, с которой я в наибольшей степени идентифицирую себя, — это Австрия. Но не сама по себе, а Австрия как часть Центральной Европы. Я в значительно большей степени чувствую себя центральноевропейцем, чем австрийцем.

— Вы побывали во всех странах, входивших ранее в состав Австро-Венгрии?

— Нельзя сказать, что я посетил все без исключения территории, входившие когда-либо в состав Австро-Венгрии. Но я побывал во всех странах, которые образовались на просторах бывшей империи, и, думаю, во всех сколько-нибудь важных ее городах. Я везде чувствую себя дома, потому что эти земли объединены общей историей, и чувство “домашности” возникает у меня автоматически. Но, если вы все-таки попросите назвать какой-то один адрес, я назову Хорватию. Я провел в этой стране много времени, работал там во время вооруженного конфликта 1990-х годов, в Хорватии у меня много друзей, в Хорватии я повстречал свою будущую жену, одно из имен у каждого из моих троих детей хорватское, мой сын крещен в Загребе. Так что да,

Император Франц Иосиф, его внучатый племянник эрцгерцог Карл (будущий император Карл) и сын Карла эрцгерцог Отто играют в солдатики. Раскрашенная литография. 1915 год

определенное особое отношение к Хорватии у меня существует, но все же нельзя сказать, что в других местах я чувствую себя не так комфортно.

— У вас есть ощущение, что все эти страны когда-то составляли одно большое государство?

— Вы обращаете внимание на страны, а я говорю о регионе, объединенном общей историей. И сейчас у этого региона общие проблемы, и всегда были, с раннего средневековья. Путешествуя по Центральной Европе, вы не можете не заметить культурное единство. Для меня всегда было сложно делить этот регион

на страны, я рассматриваю его как единое целое.

— Как вы относитесь к тому, что Австро-Венгрию иногда называют предтечей Европейского союза? Это правда или всего лишь красивая фраза?

— Сравнение любой исторической конструкции с современностью фальшиво, потому что история постоянно движется вперед. Но есть некоторые моменты, которые сохраняют значимость и сегодня, своего рода золотой стандарт Европейского союза. Начнем с того, что Австро-Венгрия была единственной по-настоящему многонациональной и мультикультурной империей своего времени. Классический пример — государственный гимн, который исполнялся на языках всех народов, населявших это государство. Такое было возможно только в Австро-Венгрии. Представьте себе, что во Франции кто-то попытался бы спеть “Марсельезу” на бретонском или окситанском языках — за это можно было бы поплатиться! Невозможно вообразить исполнение британского гимна на любом другом языке кроме английского.

“Мультикультурализм” вообще опасное слово. Я понимаю под этим термином союз культур, оказавшихся в состоянии сосуществовать, не смешиваясь, в отличие от американского варианта мультикультурализма, когда разные культуры теряют самобытность. В моем офисе есть фотография, которая приводит меня в восторг. Это снимок времен Первой мировой войны, фото одного из боснийских полков австро-венгерской армии; рядом запечатлены военные священники — фельдкурат, полковой имам, полковой раввин, — стоящие перед солдатским строем. Сейчас такое трудно себе представить. В наследии Австро-Венгрии можно отыскать много такого, что сегодня послужит примером для Европейского союза.

Говоря об империи Габсбургов, я часто употребляю понятие *Reichsidee* в том его смысле, который трудно адекватно передать на других языках. Английская *imperial idea* — это махараджа верхом на слоне, но у нас-то речь не об этом! Французская *idée imperial* — Наполеон — тоже не то! *Reichsidee* в ее австро-венгерском смысле — идея империи, основанной на принципе субсидиарности¹. Это означает ускоренное развитие регионов, специфических национальных культур. Для меня это еще один пример того, что хорошо бы перенести из истории в сегодняшний день.

— У вас есть какие-то особые связи с другими монархическими домами Европы, правящими сейчас или правившими в прошлом, скажем, с Романовыми?

— Со многими мы дружим, что неудивительно, — с несколькими династиями мы состоим в близком родстве. У нас тесные связи, родственные и дружеские, например с испанской королевской семьей или с семьей великого герцога Люксембургского.

— Габсбурги славились строгими внутрисемейными правилами, существовал статут, утвержденный императором Францем Иосифом

¹ Политическая концепция, предполагающая, что общественные и государственные проблемы должны решаться на самом низком, удаленном от “центра” уровне, на котором их разрешение возможно и эффективно. Центральная власть играет вспомогательную, а не главную роль, ограничивая свою ответственность только теми задачами, которые не могут быть решены на местах. — *Здесь и далее примеч. авт.*

и регулировавший поведение членов семьи. Сейчас что-то изменилось? В частности, может ли нынче Габсбург жениться или выйти замуж за человека недворянского происхождения?

— Конечно. Без всяких проблем. Мой отец Отто фон Габсбург был в этом отношении прагматиком. А я, как человек с опытом военной службы, могу сказать: не стоит отдавать приказ, выполнения которого невозможно добиться. Время идет, и наша семья меняется в соответствии с его новыми требованиями. Это отражает и тот факт, сколь активны сегодня Габсбурги в разных сферах деятельности, от высоких технологий до высокой моды. Свою задачу я вижу в том, чтобы за этим стояли, во-первых, знания, а во-вторых — чувство семейной солидарности, представление о том, что мы одна большая семья. По-моему, это здорово — иметь так много родственников, столь разнообразных как в географическом, так и в профессиональном отношениях. В мире насчитывается 500 или 600 Габсбургов. Точное число не могу назвать, но Габсбурги есть везде — в Африке и в Латинской Америке, один даже в России.

— Один из ваших предков, Франц Стефан Лотарингский, супруг королевы Марии Терезии, благодаря личной деловой активности основал в XVIII веке семейный фонд Габсбургов, отделив тем самым финансы династии от государственной казны. За счет этого фонда Габсбурги и жили до конца империи в 1918 году. Этот фонд в том или ином виде существует сейчас? Как устроены габсбургские финансы?

— Тут все просто: по окончании Первой мировой войны имущество нашего рода было конфисковано. За исключением некоторых младших ветвей династии, которые остались в Австрии и частично сохранили свою собственность (например, замок Персенбойг принадлежит потомкам эрцгерцогини Марии Валерии, младшей дочери Франца Иосифа). Но наша старшая ветвь, высланная за границу, подверглась полной экспроприации. То есть все, что у нас есть сейчас, — это собственность, на которую мы заработали в течение последних примерно 90 лет.

— Вы были депутатом Европарламента, являетесь членом Австрийской народной партии. Не собираетесь продолжать активную политическую карьеру?

— Я увлекаюсь разными вещами, но больше всего меня привлекает международное гуманитарное право. В этой области сейчас многое серьезно меняется. Я рад участвовать в этом процессе, поэтому сотрудничаю, в рамках организации “Голубой щит”¹ и в иных своих качествах, с различными международными организациями, которые занимаются соответствующей проблематикой. Не считаю эту свою деятельность лишенной политического содержания, сформулирую это так. Я люблю вспоминать годы, проведенные в Европейском парламенте. Кажется, мне кое-чего удалось тогда добиться — особенно как депутату, выступавшему по правозащитным вопросам. С другой стороны, я рад, что сейчас у меня остается больше времени для занятий другими делами. Хотя ничего не могу исключать в будущем. Опять вспомню отца: Отто фон Габсбурга впервые избрали в Европарламент, когда ему было 68 лет.

Не будем скрывать: разговор с Карлом фон Габсбургом произвел на нас необычное впечатление. Несомненно, он интересуется прошлым своей семьи и досконально это прошлое знает. С умением опытного фехтовальщика собеседник отбивал наши выпады “тонких знатоков” австро-венгерской истории и географии: Карл фон Габсбург помнит, что его дедушка-император в молодости служил в армии в украинском теперь городке Коломыя, да и сам в Коломые (в отличие от авторов этой книги) побывал. Он привык общаться со всякими журналистами, он дал сотни интервью и ответил на тысячи вопросов, и вряд ли отыщется таковой на австро-венгерскую тематику, который мог бы застать его врасплох. Фон Габсбург не играет в потомка повелителей центральноевропейской вселенной, а потому не кажется ни чудаковатым, ни смешным, как иные представители древних родов, потерявшие власть и славу, но не утратившие спесь и важный вид. Не так легко нести бремя многовековой фамильной родословной, но

¹ Международный комитет Голубого щита — образованная в 1996 году международная организация, целью которой является защита культурных ценностей и памятников культуры в зонах стихийных бедствий и военных конфликтов. Идеологической основой для деятельности “Голубого щита” служит принятая в 1954 году по инициативе ЮНЕСКО Конвенция о защите культурных ценностей в случае вооруженных конфликтов.

Карл фон Габсбург.
Фото Виктории Гребенюк. 2018 год

жизнь и опыт, видно, учат с этим справляться: когда пожилая фрау с субботней прической, узнав фон Габсбурга, сделала почтительный книксен, он ответил благодарным полупоклоном и легкой полуулыбкой. В меру достоинства, едва уловимая тень самоиронии: вы, уважаемая госпожа, приветствуете согражданина, но мы оба помним о нашем общем великом прошлом.

В то же время глава дома Габсбургов — современный политик, смотрящий на Европу без чрезмерной ностальгии и ложной уверенности в том, что мир, который похоронила в 1914 году Первая мировая война, был правильным и единственно возможным, а все, случившееся потом, — лишь череда трагических недоразумений. Трагических — безусловно. Недоразумений — вряд ли, если учесть, что история представляет собой непрерывный поток событий; каждое последующее проистекает из предыдущего и определяется им. Все

это не исключает возможность выбора, перед которым европейцы оказались и в 1914, и в 1918, и в 1939 годах, и, к сожалению, далеко не всегда предпочитали лучший из возможных вариантов. Скорее наоборот.

Карл фон Габсбург делает акцент на наднациональной идентичности. В этом Карл настоящий потомок своего рода: империя, выстроенная его предками, была именно такой — населенной чертовой дюжиной народов, пестрой, связанной общностью истории и географии больше, чем единством языков или культур, хотя и они за столетия совместной жизни сближались, пересекались, проникали друг в друга. Десятилетие за десятилетием, век за веком эта монархия прирастала новыми народами, территориями, строилась неторопливо, как храм Божий, камень на камень, кирпич на кирпич. Габсбурги терпеливо и кропотливо, хитростью и упорством, талантом и умом, изредка жестокостью, куда чаще путем компромиссов, за 600 лет владычества оборудовали большое многонациональное государство. Лучшего прообраза наднационального единства европейская история, пожалуй, не дала. В начале XX века вторая по площади и третья по численности населения европейская держава, Австро-Венгрия входила в число немногих стран, определявших содержание общественно-политических, социальных и культурных процессов в Старом Свете.

Это было сложносочиненное государство, устройство которого парадоксальным образом основывалось на его противоречиях. Империя, монархи в которой были не прочь править авторитарно, но по зрелом размышлении уступали либеральным веяниям. “Тюрьма народов” (по убеждению нескольких поколений националистов), в которой идея этнической толерантности зачастую оказывалась сильнее шовинистических настроений. Довольно мощная, даже на закате, держава, которая с большей охотой расширяла свои пределы династическими браками и дипломатическими комбинациями, нежели захватами и войнами. Страна вековых, даже дряхлых традиций, неизменно открытая модерну в живописи, архитектуре, музыке...

Поищем параллели. Держава Габсбургов складывалась как континентальная империя, в отличие от Британии или Испании, но

подобно России не имела серьезных заморских владений¹. Дюжина подвластных Габсбургам народов жила в компактной стране, и даже до наступления эпохи телеграфа депеша с самой далекой окраины поспевала в столицу империи всего за неделю или две. При этом (еще одно сходство с Россией) дунайская монархия кое в чем оставалась таинственной не только для западноевропейских соседей, но подчас, кажется, и для себя самой. Габсбургскому канцлеру Клеменсу Меттерниху не зря приписывают фразу: “Азия начинается на Ландштрассе”. Эта венская улица вела на восток, а восточнее Вены для рафинированных европейцев тогда словно не существовало цивилизации. В империи Габсбургов уживались разные реальности. Вена по праву считалась одной из блестящих столиц, соперничавших роскошью с Парижем и Лондоном, австрийский двор пользовался славой самого церемонного в Европе, но восточные окраины дунайской монархии — Трансильвания, Буковина, Галиция — пугали дикостью самих австрийцев, казались мистическими заповедниками, в которых могут обитать не только люди, но и вампиры.

Габсбурги справедливо числили за собой особую заслугу в коллективной борьбе европейцев против Османской империи, в многотрудном и кровопролитном сопротивлении креста полумесяцу. Их армии веками сдерживали наступательные порывы джихада. Территориальная экспансия османов в Европе была остановлена именно под Веной: город дважды, в 1529 и 1683 годах, выдерживал многомесячную осаду неприятельских войск. Первая неудача, свидетельствуют летописи, всего лишь серьезно встревожила султана Сулеймана Великолепного. Второе поражение, через полтора века, оказалось более чувствительным: сражение под Веной, в котором на стороне Габсбургов соединились армии многих христианских стран, положило окончательный предел османскому проникновению в глубь континента. Но центральноевропейская империя после этого еще долго служила поясом безопасности и заградительным валом западного мира.

¹ В качестве исторического курьеза упомянем австро-венгерскую концессию в китайском городе Тяньцзинь, выделенную монархии Габсбургов в числе других западных стран после участия в подавлении восстания ихэтуаней, известного также как боксерское восстание (1899–1901).

Государственное дело Габсбургов всегда делалось непросто, их страна двигалась от кризиса к кризису, раз за разом почти чудесным образом выходя из исторических испытаний и переделок. В XIX веке, опыт которого преимущественно исследуется в нашей книге, дунайская монархия пережила два главных этапа внутреннего переустройства. В самом начале того столетия на руинах Священной Римской империи германской нации¹ Франц II Габсбург объявил себя императором Австрии и начал создавать из своих владений, довольно разрозненных в политическом и правовом смысле, централизованное государство. В 1867 году политический компромисс, достигнутый Венной и Будапештом после долгого и бурного выяснения отношений, ознаменовал трансформацию габсбургских земель в двуединую монархию — Австро-Венгрию. Полвека ее существования и без малого семь десятилетий пребывания на престоле Франца Иосифа, “последнего монарха старой школы”, принесли противоречивые, но во многом удачные попытки реформ и систематические поиски, говоря сегодняшним языком, успешной модели социально-политической модернизации. Итоговый результат этих попыток и поисков Габсбургам и их подданным увидеть не удалось. Конец дунайской монархии, этому уникальному историческому эксперименту, положило роковое стечение внутривнутриполитических и международных обстоятельств, обернувшееся в 1914 году мировой войной.

Но пока Австро-Венгрия жила — и сие отчетливо видно на фоне политических, национальных, социальных проблем современной ей Европы, — эта страна представляла собой пример умеренного процветания, относительного спокойствия и скромного благополучия. Габсбурги смогли обустроить, пожалуй, самую уютную в исто-

¹ Священная Римская империя германской нации — государственное образование, существовавшее с 962 по 1806 год и объединявшее территории Центральной Европы, в основном населенные немцами. Помимо германских земель поначалу в состав империи входили также обширные территории юго-восточной Франции и северной Италии, а также — до самого конца империи — нынешняя Чехия. Процессы становления единого государства в империи не были завершены, она оставалась децентрализованным образованием со сложной феодальной иерархической структурой, объединявшим несколько сотен национально-территориальных единиц. Священная Римская империя представляла собой попытку продолжить традицию Древнего Рима и создать универсальное государство.

Австрийский император и венгерский
король Франц Иосиф.
Фото Карла Питцнера. 1885 год

рии империю: с налаженным административным порядком и эффективной бюрократией; со сглаженными социальными противоречиями; с внятно сформулированной идеологией, основанной не на этнических или классовых принципах и не на милитаристском раже, а на государственной традиции и гражданской лояльности. Габсбурги не были пузатыми эксплуататорами-кровопийцами из марксистских брошюр. Корона означала для них не возможность наслаждаться властью или обогащаться (хотя власть они любили и богатств скопили вдоволь), но в первую очередь долг, миссию, ответственность.

То обстоятельство, что народы империи в конце концов отказали монархии в доверии, а дело Габсбургов было исторически проиграно, — в большей степени не вина, а беда династии. Ей не хватило потенциала перемен и энергии трансформации, недостало умения противостоять жестоким ударам извне. Случались и стихийные стечения неблагоприятных обстоятельств вроде гибели двух многообещающих наследников трона, кронпринца Рудольфа в 1889-м и эрцгерцога Франца Фердинанда в 1914 году. Ведь, как справедливо заметил американский историк Пол Джонсон, “хотя исследователю и неприятно признавать это, но удача — весьма важный фактор”.

Есть, однако, логика в том, что в Европе индустриальной эпохи именно Габсбурги стали последними наследниками модели космополитической монархии, подданных которой больше, чем национальность, религия или локальный патриотизм, объединяла верность короне. До последних лет империи большинство жителей

Австро-Венгрии сохраняли почтение к трону, хоть и пассивное. Для миллионов подданных императора-короля распад его страны обернулся личными трагедиями. Центробежные тенденции — притом что национализм представлял собой естественную угрозу общему государству — до поры до времени уравнивались в Австро-Венгрии центростремительными процессами.

Нам, родившимся и выросшим в XX веке, естественным кажется существование национальных государств, принцип *ein Land — ein Volk*¹, хотя в действительности это правило соблюдается далеко не всегда: достаточно взглянуть на Испанию, Швейцарию, Бельгию или Россию. История монархии Габсбургов напоминает: нации, национализм, национальные государства — это не данный раз и навсегда порядок вещей, а всего лишь исторические явления, имеющие начало и конец. Существуют и альтернативные модели государственно-политического устройства, позволяющие интегрировать большие пространства с выгодой для их обитателей, вне зависимости от языка, религии или обычаев. В последние полвека такую модель с трудом, но пытаются выстроить Европейский союз — и неудивительно, что в его столицах все чаще вспоминают об опыте Габсбургов и их историческом деле.

Оглядываясь в XX столетие, первая большая война которого наряду еще с тремя империями (в их числе российской) погубила Австро-Венгрию, заметим: для народов Центральной Европы столетие без Габсбургов оказалось не более, а скорее куда менее счастливым, чем столетия “под Габсбургами”. Один историк сказал об этом так: “Падение многовековой монархии привело к воцарению убийственных форм национализма и бессмысленных революций, заменивших гибкие и гармонические политические сообщества искусственными объединениями народов”. Один писатель оказался эмоциональнее историка (как, впрочем, и пристало его ремеслу): “Во времена этой империи еще не было безразлично, жив или умер человек. Все, что росло, требовало много времени для произрастания, и всему, что разрушалось, требовалось долгое время, чтобы быть забытым. Все суще-

¹ “Одна страна — один народ” (нем.).

ствовавшее оставляло свой след, и люди жили воспоминаниями, как теперь живут умением быстро и навсегда забывать”. Неспешность и умеренность, особенно если подходить с мерками сегодняшнего дня, значились среди главных добродетелей габсбургского государства. Неспешность (понимаемая как медлительность) и умеренность (трактуемая как неспособность первенствовать) оказались в числе основных причин, по которым это государство было уничтожено.

Конечно, любой желающий найдет, что противопоставить ностальгическим воспоминаниям о стране, которую никому и никогда не вернуть. Критики габсбургского опыта весьма многочисленны. Десяткам знаменитых умов дунайская монархия, обычно олицетворяемая ее предпоследним престарелым императором, казалась символом державной дряхлости, мировым недоразумением, карикатурой на современное государство. “Австрия была имперской организацией, а не страной”, — убеждал читателей видный британский историк Алан Дж.П. Тейлор. Ему в романе-эпопее “Человек без свойств” вторил австрийский писатель Роберт Музиль, скрестивший национальные цвета с гардеробными мотивами: “*Две части страны, Венгрия и Австрия, подходили друг к другу, как красно-бело-зеленая куртка к черно-желтым штанам; куртка была сама по себе, а штаны были остатком уже не существующего черно-желтого костюма*”. Тейлор и Музиль по-своему правы, как правы и Ярослав Гашек, и Томаш Масарик, и многие другие горячие недруги габсбургской монархии, судившие о ее судьбе, исходя из личного опыта, нередко ведомые собственными обидами и политическими убеждениями. Так, прав каждый, кто осуждает старый мир на том простом основании, что его больше не существует.

Австро-Венгрия вовсе не идеальное государство, и эта книга совсем не панегирик былой империи. Мы старались не обходить острые углы и не замалчивать неприглядные вещи. Но, взяв на себя обязанность придерживаться исторических фактов, решили в то же время не отказываться от своих симпатий. И вот вывод нашего исследования: монархия Габсбургов, при всех ее недостатках, противоречиях устройства, при всем драматизме, сопровождавшем процесс ее трансформации, и при всем трагизме ее разлома и крушения, представляется успешным, а главное — познавательным и поучительным

историческим феноменом. Вклад этой страны в мировую политическую и общественную культуру недооценен, а ее опыт — особенно на нашей родине, увы, не склонной к пристальному непредвзятому взгляду за свои границы, — недостаточно изучен.

Для всех без исключения центральноевропейцев дунайская монархия — не прошлое и даже не позапрошлое, а уже позапозапрошлое государство; XX столетие оказалось столь бурным, столь кровавым, столь богатым на события, что в большинстве энциклопедий и популярных справочников габсбургским временам отводится короткая главка в несколько страничек. При этом все “постгабсбургские” страны в той или иной мере стремятся жить и строить свое будущее согласно девизу Франца Иосифа — *Viribus unitis*, “Объединенными усилиями”. Ведь развитие Европейского союза едва ли не в первую очередь означает для Центральной Европы необходимость регионального сотрудничества, вернее, его возобновления на добровольных началах, фактически впервые со времен государства Габсбургов. В процессе перемен становится понятным, что Центральная Европа имеет ценность сама по себе, а не только как “прокладка” между Россией и Западом, какой она стала после падения Габсбургов. У жителей этого региона до сих пор гораздо больше общего друг с другом, чем с западными или восточными соседями. Поэтому лучший путь для Центральной Европы, похоже, состоит в том, чтобы, меняясь, оставаться собой, сохранив уют и тепло, о которых некогда так пеклась австрийская династия.

Дети другой погибшей империи, по-своему величественной, но куда менее либеральной и человечной, чем дунайская монархия, мы по многу лет прожили на бывших австро-венгерских территориях, объездив десятки уголков этой некогда обширной страны. Из вагона поезда и из салона автомобиля, с моста над Дунаем и с башни Пражского Града, с альпийского перевала и с адриатического побережья, из-за стола в венской библиотеке и из зала будапештского музея, из трансильванского местечка и галицийского городка — с разных “наблюдательных точек” летопись империи Габсбургов предстает не только, да и не столько историей монархической династии или подчиненных ей народов. Все гораздо полнее, красочнее и интереснее:

это летопись частной жизни десятков миллионов людей, это поразительные хитросплетения их судеб, их великие подвиги и низкие злодеяния, это осуществление их блестящей мечты и крушение их последней надежды.

Глянцевые портреты полудюжины знаменитостей, имена которых в массовом сознании, так или иначе, связаны с австро-венгерской историей, вроде Иоганна Штрауса, Зигмунда Фрейда, Густава Климта или Стефана Цвейга, дополнились в наших записных книжках галереей не менее значимых, но менее известных персонажей и образов. Ведь подданные австрийского императора и венгерского короля совершали кругосветные путешествия, штурмовали полярные широты и горные вершины, учили Европу танцевать вальс и любить оперетту, они открывали новые земли и звезды, писали поэмы и теологические трактаты и даже устанавливали олимпийские рекорды. Это жители империи Габсбургов изобрели торпеду и керосиновую лампу, оборудовали первую в мире телефонную станцию, построили первую в мире высокогорную железную дорогу и провели одну из первых в Европе линий электрического трамвая. Они не просто были частью Европы — Европа была невозможной без них и их государства.

При всем многообразии центральноевропейских земель они и теперь объединены наследием общего прошлого. Речь не только о том, что кварталы Братиславы, Нови-Сада, Триеста или Дьора напоминают о венской градостроительной моде; не только о том, что здания вокзалов и оперных театров в Загребе, Либереце, Тимишоаре или Черновцах сооружены словно по одному чертежу (последнее, кстати, экономически легко объяснимо: по проектам архитектурного бюро Фердинанда Фельнера и Германа Гельмера построены три десятка театров в Австро-Венгрии и еще 18 в других европейских городах, в том числе в российской тогда Одессе); не только о том, что в любом почтенном ресторане Брно, Любляны, Будапешта или Львова вам приготовят блинчики примерно по одной и той же узнаваемой рецептуре (точно такие конечно же нам подали в ратушном ресторане Корнойбурга после встречи с Карлом фон Габсбургом); не только об общей традиции танцевальных балов, о сходстве кофейной куль-

туры или о забавном проявлении новой ностальгии — портрете старого императора над барной стойкой. Связь огромной и динамично развивающейся европейской территории с навсегда минувшим и эфемернее, и мучительнее, и основательнее, и эмоциональнее, чем можно подумать, пролистав исторический роман или учебник истории.

Наша книга — ни то ни другое. Это очерки о центральноевропейской Атлантиде, о которой русскоязычный читатель знает куда меньше, чем она того заслуживает. Это своего рода биография большой, пестрой и интересной страны, но ни в коем случае не некролог. Может быть, верно говорят, что великие империи не умирают — они лишь засыпают на время.